<http://www.diva-portal.org>

Postprint

This is the accepted version of a paper published in *Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language*. This paper has been peer-reviewed but does not include the final publisher proof-corrections or journal pagination.

Citation for the original published paper (version of record):

Maier, I., Mikhaylov, N. (2009)

"The Kings Declaration to all His Subjects" (1648)-the first Russian translation of an English printed text?.

Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language, 33(3): 289-317

<http://dx.doi.org/10.1007/s11185-009-9043-x>

Access to the published version may require subscription.

N.B. When citing this work, cite the original published paper.

Permanent link to this version:

<http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:uu:diva-139533>

Ингрид Майер, Никита Михайлов

«Королевский извет ко всем его подданным» (1648 г.) – первый русский перевод английского печатного текста?

1. Исторический и источниковедческий фон

В третьем выпуске «Вестей-Курантов» (в дальнейшем: В-К) под № 57 опубликован «Королевской извѣтъ ко всѣмъ его подданнымъ какихъ народовъ или какихъ чиновъ ни будъ»¹ (В-К III, 159–161), – перевод «открытого письма» английского короля Карла I, которое было написано в январе 1648 г., т.е. за год до казни монарха, состоявшейся 30 января 1649 г. В этом письме король обращается напрямую к своему народу в тот период, когда он, утратив власть, практически отрезан от внешнего мира и находится на острове Уайт в качестве заключенного. Его противостояние с парламентом, переросшее в гражданскую войну, закончилось поражением для роялистских сил, и после череды арестов и следовавших за ними побегов король в ноябре 1647 г. отправляется на остров, надеясь, что тамошний губернатор полковник Роберт Хэммонд поможет ему покинуть страну. Однако Хэммонд помещает Карла в замок Кэррисбрук, и монарх все более и более приобретает статус заключенного.

Воззвание монарха было написано во время его пребывания на острове Уайт после того, как он отверг очередные требования со стороны парламента 28 декабря 1647 г. – в данном случае это был своего рода ультиматум². В частности, от Карла I требовалось, чтобы он отказался от принятия решений по военным делам на 20 лет в пользу парламента, чтобы все архиепископы и епископы были удалены и чтобы солдатам, воевавшим в гражданской войне на стороне парламента, было выдано недоплаченное жалование. На отказ монарха³ парламент отреагировал решением больше не отправлять Карлу никаких предложений и от него никаких предложений не принимать⁴.

Исследуемое здесь «открытое письмо» датировано следующим днем после решения парламента о прекращении всяких официальных сношений с отставленным монархом. В этом документе Карл оправдывает свой поступок перед английским народом и объясняет мотивы своих действий, подчеркивая свое желание защитить интересы народа и восстановить мир и согласие в обществе. Одновременно он обвиняет парламентариев в стремлении к неограниченной власти, а также указывает на их попытки всячески скомпрометировать его путем изоляции и последующего искажения смысла королевских посланий. По словам монарха, он, радея об установлении мира, пошел уже на все мыслимые компромиссы со своими противниками и теперь призывает своих

* Авторы весьма признательны В. Б. Крысько, который прочитал более ранний вариант статьи и сделал ряд очень ценных замечаний. За стилистическую правку авторы благодарят также М. Б. Михайлову.

¹ В цитатах из В-К мы применяем сокращенные указания на цитируемое место, приводя только лист рукописи и не повторяя номер текста в издании. По техническим причинам применяется несколько упрощенная орфография. Графические варианты типа *ς*, *i*, *ω*, *θ* заменяются современными буквами *з*, *и*, *о*, *ф*. Выносные буквы вносятся в строку и выделяются курсивом, как в издании В-К. При раскрытии сокращений вставленный нами текст обозначается угловыми скобками, например, «де<нь>». Конец строки не отмечается, а конец листа рукописи обозначается знаком ||.

² Полный текст предложенных Карлу законопроектов и других, дополнительных требований опубликован в книге *Constitutional Documents* (1962, 335–347), документ № 75; см. также Carlton (1995, 319–320).

³ Письмо с отказом тоже опубликовано в *Constitutional Documents* (1962, 353–356, № 78). Дата 28 декабря упомянута в английской брошюре на с. 3 и в русском переводе на л. 36.

⁴ См. *Constitutional Documents* (1962, 356, № 79).

подданных рассудить, заслуживает ли он того поражения в правах, которое его постигло, и оценить законность действий парламента.

Русская версия памфлета с письмом Карла I, опубликованным по его приказу в тот момент, когда шансы монарха на победу в гражданской войне и возвращение верховной власти уже были ничтожны, представляет неоспоримый интерес для исследования. Этот текст в издании В-К I–VI является единственным переводом с английского, для которого обнаружен оригинал. Английский не входил в число основных исходных языков для переводов европейских газет и памфлетов с политическим содержанием – основными языками для таких переводов (для «курантов») были немецкий и нидерландский⁵. Но если в Посольский приказ случайно поступила брошюра на чрезвычайно актуальную тему – ведь противостояние английского короля и парламента уже приближалось к развязке, – почему бы ее не перевести? Интерес российской правящей элиты к этой теме совершенно очевиден, как очевидно и то, на чьей стороне были симпатии русского царя. Насколько нам известно, русская версия «извета» представляет собой самый ранний перевод какого-либо печатного текста с английского языка на русский, оригинал которого установлен и на основе которого, таким образом, можно изучать переводческую технику и высказывать квалифицированные суждения о качестве перевода.

Перед русским переводом обращения низвергнутого монарха к своим подданным имеется заглавие переводчика Посольского приказа, сообщающее о том, что это «Перевод с аглинском печатной тетрати что подал в Посолском приказе агличанин Иванъ Гебден», а другим почерком еще добавлена дата: «в ннешнем во PHSм году мая въ KE де<нь>» (л. 34), т.е. 25 мая [7]156 года (от сотворения мира) или 1648 г. от Рождества Христова. При этом неизвестно, относится ли дата ко дню передачи английской брошюры в приказ или ко дню перевода – или и к тому, и к другому, так как переводы газет и памфлетов обычно осуществлялись очень быстро. Оригиналом русского перевода оказался памфлет под названием «THE KINGS DECLARATION TO ALL HIS SVBJECTS, Of whatsoever Nation, Quality, or Condition. Published by His Majesties speciall Command [...]». До этого места совпадают все найденные нами издания оригинальной брошюры (кроме графических и орфографических вариантов), а потом в трех изданиях написано «Printed in the Yeare, (Yeer⁶.) 1648» (см. в каталоге Wing (2-е изд., 1994), № C2264, C2264cA и C2264bA соответственно⁷), а в одном – «Printed for Richard Royston. 1648» (Wing № C2264A)⁸. Несомненно, № C2264 тоже издан Ройстоном, так как тексты в этих двух изданиях совпадают вплоть до малейших орфографических и прочих деталей. Различия имеются

⁵ В работе Maier (2006, 455–459) указаны все обнаруженные до сих пор оригиналы для В-К I–V (помимо немецких и нидерландских оригиналов это редкие брошюры на шведском языке и рассматриваемый здесь английский памфлет). Что касается оригиналов для В-К VI, то там представлено несколько текстов на латинском языке и один памфлет на польском, наряду с сотнями оригиналов на немецком и нидерландском. Все они приведены, с комментариями, во второй части издания В-К VI (2008).

⁶ C2264bA.

⁷ Экземпляр издания C2264 сохранился в British Library, Лондон, шифр Thomason / E.426(5), издания C2264cA – в Austin Library, University of Texas; C2264bA – в Pepys Library (Magdalene College, Cambridge). Шифры последних двух изданий не указаны; ср. в электронной базе данных «Early English Books Online» по адресу <http://eebo.chadwyck.com>. На этом электронном ресурсе не указан ещё один вариант, который есть в последнем издании каталога Уинга под номером C2264aA и хранится в оксфордской Bodleian Library. Нам, к сожалению, не удалось ознакомиться с этим изданием «Декларации». Мы пользовались преимущественно лондонским экземпляром, титульная страница которого воспроизведена факсимильным способом в работе Maier (1999, 87).

⁸ Экземпляр издания C2264A сохранился в Гарвардской университетской библиотеке.

исключительно на титульном листе. Ниже оба ройстоновских издания будут обозначаться как вариант [1], а анонимные издания C2264bA и C2264cA – как варианты [2] и [3] соответственно (впрочем, говорить о двух изданиях Ройстона можно только с определенной оговоркой, так как шесть страниц основного текста набраны лишь один раз; поэтому можно было бы говорить об одном издании, для которого существовало два разных титульных листа).

Мы можем лишь предполагать, какое именно из двух изданий Ричарда Ройстона хронологически было более ранним и какие причины побудили издателя памфлета указать свое имя лишь на одном из них. Ройстон, имевший репутацию преданного Карлу I роялиста и ярого поборника англиканской церкви, к тому времени уже испытал на себе немилость парламента. Еще в 1645 году Ройстон был заключен в тюрьму по обвинению в издании книг и памфлетов скандального содержания (см. Williams 1973, 99–100). Однако и после заключения Ройстон продолжил издание книг и брошюр, принадлежащих перу Карла I⁹, что позволяет отвергнуть предположение, будто бы издатель, обозначив свое имя на первом издании, затем убрал его со следующего, опасаясь санкций. Представляется также невозможным определить, кто первым издал брошюру, – Р. Ройстон или кто-нибудь из анонимных издателей.

Место печати не указано ни на одном из титульных листов, но можно с уверенностью предположить, что все издания напечатаны в Лондоне. Так и предполагает библиограф Дональд Уинг (Wing 1994, 478), указавший для всех (кроме 2264aA) упомянутых им изданий «[London]» как место печати.

Во всех известных нам изданиях наверху на первой странице самого текста написано «Carisbrook Castle, 18 Jan. 1647»; потом начинается непосредственно письмо монарха обращением «To all my People, of whatsoever Nation, Quality or Condition». Переводчик повторяет «адрес» письма, отличающийся от адреса на обложке лишь употреблением местоимения первого лица *my* вместо третьего лица *his*, но указание в русском переводе на то, будто брошюра «напечатана в городе Каррисброке лѣта #АХМИм [так в ркп.] году генваря въ II де<нь>», несомненно, основано на недоразумении: города с таким названием вообще нет. «Carisbrook Castle» – это не указание на город, в котором вышла брошюра, а место и дата сочинения письма короля, при том что в замке Кэррисбрук на острове Уайт, где английский монарх находился в заключении, не существовало типографии, в которой могла бы выйти печатная брошюра.

Как объяснить расхождение в датах – 18 января 1647 г. внутри брошюры, а 1648 на ее обложке? В ту эпоху новый год в Англии начинался не в январе, а в марте. Соответственно, текст, написанный королем по тогдашнему английскому календарю 18 января 1647 г., на самом деле относится уже к 1648 по принятому в Западной Европе типу юлианского календаря. Поскольку год, указанный внутри брошюры, – (18 января) 1647 г. – отличается от года, указанного на обложке, можно, наверное, сделать вывод, что все известные нам экземпляры напечатаны не раньше марта, когда уже по всем критериям шел 1648 г., даже в Англии. С другой стороны, коллекционер Дж. Томасон (George Thomason¹⁰) «исправил» дату печати на своем экземпляре в другую сторону: он вычеркнул

⁹ В частности, Ройстону принадлежат несколько изданий написанного Джоном Годеном (John Gauden) – с использованием материалов, написанных самим монархом, – «Королевского портрета» (*Eikon Basilike*), впервые напечатанного в январе 1649 г.; см. *Eikon Basilike* (1966, XI–XXII).

¹⁰ О Томасоне, который в 1640–1661 гг. собрал более чем 22 000 современных ему изданий (в основном маленькие брошюры, напечатанные в Лондоне), см. Fortescue 1908; Raymond 2003, 161–163, 192–196.

цифру 8 в указании года, 1648, и от руки поставил семерку. Он, видимо, считал (или даже знал?), что брошюра была напечатана до 1 марта. Однако если применять современный календарь, памфлет, несомненно, напечатан в 1648 г.

Хотя, как мы видели, переводчик ошибся и указал Кэррисбрук как место издания памфлета, он совершенно верно указал 1648 как год издания. Не исключено, что он знал о различии между английским календарем (согласно которому год начинался в марте) и «нормальным» европейским календарем и принововил дату к европейскому стилю согласно этим знаниям. Возможно также, что он воспринял дату внутри брошюры как опечатку ввиду «правильного» указания года – 1648 – на титульном листе, а также ввиду того обстоятельства, что брошюра была передана «Иваном Гебдоном»¹¹ (John Hebdon) в Посольский приказ в мае 1648 г., – ведь маловероятно, чтобы в мае 1648 г. передали памфлет, напечатанный за год с лишним до этого. По всем этим причинам, как нам представляется, переводчик «исправил» дату и совершенно справедливо указал 1648 г.

Как уже было сказано, два ройстоновских издания абсолютно идентичны, кроме нескольких различий на титульном листе. Другие издания, № С2264bА и С2264сА (обозначенные нами как варианты [2] и [3]), ничем не отличаются от них с текстуальной точки зрения. Поэтому не представляется возможным установить, каким именно изданием воспользовался переводчик Посольского приказа. Исключено, по нашему мнению, только ройстоновское издание С2264А (т.е. с указанием фамилии издателя), так как переводчики, как правило, переводили указания на издателей или печатников (см. работу Maier 1997, в которой приводится несколько примеров¹²).

Для изучения переводческой техники вопрос о том, какое именно издание лежало в основе русского перевода, не имеет принципиального значения, так как с определенными оговорками все издания могут быть признаны идентичными. Различия не касаются ни лексики, ни синтаксиса и могут быть обнаружены лишь при сопоставлении орфографии и пунктуации. Обнаруженные нами орфографические различия, однако, в данном случае не сказались на конечном результате, т.е. русском переводе. Тем более они не могли повлиять на понимание переводчиком исходного текста. С точки зрения орфографического облика отдельных лексем варианты [1] и [2] производят впечатление более близких к современным нормам. Так, в изданиях [1] и [2] используется окончание -у для абстрактных существительных и это же написание в суффиксе наречий (-ly), в то время как в версии [3] мы обнаруживаем в тех же условиях *ie*: *Authority* – *Authoritie*, *misery* – *miserie*, *Treaty* – *Treatie*, *Security* – *Securitie*, *Almighty* – *Almightie*, *publickly* – *publicklye*, *Plenty* – *Plentie*. Кроме того, в версиях [1] и [2] опускается конечная произносимая буква *e*, присутствующая в варианте [3]: *my self* – *my selfe*, *himself* – *himselfe*, *speak* – *speake*, *to seek* – *to seeke*, *to hear* – *to heare*, *have been* – *have beene*, *Answer* – *Answere*, *chiefe* – *chief*. В редких случаях, однако, варианты [1] и [2], наоборот, содержат произносимую букву *e*,

¹¹ Англичанин Джон Гебдон переселился в Россию со всей семьей ранее 1647 г. Под этим годом Гебдон упомянут как толмач при английских «гостях» в Москве (Гурлянд 1903, 6). В 1653 г. ему было пожаловано звание «гостя и комиссариуса», в 1656 г. – звание «комиссариуса и резидента» (там же, 8; 14; см. также Козлов 1982, 111). Он скончался в Англии между 1665 и 1667 гг. (Гурлянд 1903, 27).

¹² Если на обложке переведенной брошюры указывался адрес типографии, то даже и эта информация, как правило, переводилась; ср. в переводе Мюнстерского мирного договора между Голландией и Испанией: «... печатано в городе Дордрехте печатником Мулертомъ в Винной улице #АХМИг году» (В-К III, 161). Эти слова соответствуют выходным данным оригинальной брошюры, указанным на ее обложке: «TOT DORDRECHT, Uyt de Druckery van Symon Moulaert, woonende in de Wijn-Straet, in 't Jaer 1648» (подробнее см. Maier & Pilger 2001, 216; факсимильное изображение титульного листа см. Maier 1997, 42).

в то время как в варианте [3] представлено современное написание. Так, в вариантах [1] и [2] можно указать на бессистемное употребление глагольной формы *doe*, которая дважды встречается именно в этом написании (наряду с современной орфографией), в то время как в версии [3] последовательно используется форма *do*. Устаревшими, по сравнению с вариантом [3], выглядят написание *Mony taxes* ([1] и [2]; ср. *Money-Taxes* в варианте [3]), *compliance* (*compliance*), *signall* (*signal*). Впрочем, последний случай – удвоенный *ll* на конце прилагательного – не является характерным исключительно для одного из вариантов. Например, на титульных листах обоих напечатано *Published by His Majesties Speciall Command*. Беззвучная буква *e* в конце слова неожиданно проявляется в написаниях *equality of Minde* ([1] и [2]; ср. *equality of mind* в [3]). Формы *hopelesse*, *foure*, *seeme* присутствуют во всех текстах, а варьирование *Kingdoms* – *Kingdomes* тоже наблюдается во всех обнаруженных изданиях без какой-либо последовательности в употреблении¹³.

Помимо разницы в написании отдельных лексем обнаружен также единичный случай нетождественного порядка слов – *hath still been able* в вариантах [1] и [2] и *hath beene still able* в версии [3], а в одном случае вариант [2] имеет неопределенный артикль («as I am a man»), в то время как он отсутствует в [1] и [3] («as I am Man»), но на русском переводе подобные несоответствия, разумеется, никак сказаться не могли. Поскольку, таким образом, все издания идентичны с точки зрения содержания и выбора лексических средств, кажется правомерным для настоящего исследования говорить об оригинале в единственном числе, не заостряя внимание на том, какое же именно из конкретных изданий переводчик держал в руках. В наших цитатах мы в дальнейшем будем ссылаться на вариант [1], т.е. издание Ричарда Ройстона.

Письмо английского монарха было также напечатано на нидерландском языке: «Des Conincks Verclaringhe Aen alle zijn Onderdanen/ van wat Natie/ Qualiteyt/ oft Conditie. Uyt-ghegheven door Sijne Majesteits bysonder Bevel. Ghedruckt in 't Jaer 1648. Verduyscht naer het Enghelsche Originael» (ср. Knuttel № 5635¹⁴). Место печати не указано, но на основе сравнения использованных литер мы предполагаем, что брошюра увидела свет в Голландии и была напечатана «английским книгопечатником и книгопродавцем» Самуэлем Брауном (Samuel Broun, Brown¹⁵), который как раз в 1648 г. в Гааге печатал серию периодических изданий под названием *Mercurius Anglo-Britannus*¹⁶. Перевод письма монарха с английского на нидерландский очень точен, так что с самого начала нужно было учесть возможность, что русский перевод осуществлен на основе не английской версии, а нидерландской. Дословное сравнение всех версий, однако, привело нас к выводу, что нидерландская версия должна быть отвергнута как возможный оригинал, и не

¹³ Интересен тот факт, что печатавшие каждый из вариантов памфлета не были последовательны в соблюдении норм орфографии того периода, – точнее будет сказать, что отсутствие в ту эпоху жестких норм и делает все издания показательными образцами «смешения» принципов написания отдельных слов, свойственного языку ранненовоанглийского периода.

¹⁴ Мы воспользовались экземпляром Амстердамской университетской библиотеки, шифр UB Magazijn, Pfl En 4a.

¹⁵ В 1646–1660 гг. англичанин Браун печатал памфлеты и «газеты» с английским содержанием в Гааге, в частности, на французском языке. Подробнее о его биографии см. Keblusek (1997, 276–287).

¹⁶ Полное название английского информационного бюллетеня С. Брауна, печатавшего на одном листе, было «*Mercurius Anglo-Britannus. Mededeylende Tydinghe van verscheyde Ghedeelten uyt Engelandt / Schotlandt / ende Irlant. Aengaende den Coninck / het Parlament ende de drie Coninckrijcken*». Известны всего два уникальных выпуска, № 4 (с новостями от 14 до 21 февраля 1648 г.) и № 10 (3–10 апреля), которые сохранились в Ольденбурге, Германия (см. подробнее в работе Maier 2004, 93–95).

только потому, что переводчик упоминает «английскую печатную тетрадь»: ведь он мог также предположить, что брошюра на нидерландском языке была напечатана в Англии, и на этом основании назвать ее «английской», либо счесть ее английской на основе ее «английского» содержания. Но в русском переводе имеются многие формулировки, которые были бы невозможными в случае перевода с нидерландского. О некоторых случаях, когда переводчик не понимал английских слов или слишком дословно переводил устойчивые словосочетания, будет речь ниже. Здесь ограничимся указанием лишь нескольких примеров. Так, дворец Хэмптон-Корт в английской версии фигурирует в форме *Hampton-court* (с. 3), в то время как в нидерландской версии слово *court* переведено: *Hoff van Hampton* (с. A2 об.). В русской версии мы встречаем почти точную транслитерацию английской формы, *Гамтонкурт* (л. 40). Кроме того, в русской версии нет перевода указания на титульном листе голландской брошюры о том, что нидерландский перевод сделан с английского оригинала («*Verduytscht*¹⁷ naer het *Enghelsche Originael*»). Если бы русский перевод был осуществлен на основе голландской брошюры, переводчик непременно перевел бы также эту информацию; ср., например, в русской версии описания казни Карла I, опубликованной в В-К IV (с. 82–85): «а переведено из аглинского языка на цесарской а из цесарского языка на свѣиской языкъ» (там же, 82¹⁸). В нидерландской версии также имеется эксплицитное указание на то, что письмо монарха датировано по старому (юлианскому) календарному стилю: «*Uyt het Casteel van Carisbroeck Den 18. Januarij 1648. Ouden Styl*» (наше выделение. – И.М., Н.М.). В Голландии такое уточнение имело смысл, так как большинство нидерландских провинций уже давно перешли к новому (григорианскому) стилю, а в Англии оно было бы бессмысленным, так как все даты указывались согласно старому стилю. В России, как и в Англии, применялся юлианский календарь, так что эксплицитное указание на календарь, с одной стороны, было лишним, с другой стороны, переводчики Посольского приказа, как правило, переводили указания типа «по старому / новому стилю». Уже эти различия между нидерландской и русской версиями достаточно убедительно исключают голландскую брошюру как источник русского перевода, даже если бы не было недоразумений, возможных только на основе английского текста¹⁹.

2. Анализ русского перевода

В настоящем разделе мы попытаемся проиллюстрировать переводческую технику на основе редкого для середины XVII в. перевода с английского языка на русский. При этом нас интересует в первую очередь вопрос, насколько перевод адекватен. Анализ будет касаться ошибок и неточностей, допущенных переводчиком, и последующего рассмотрения вопроса о том, насколько подобные несоответствия между исходным и русским текстом влияют на точность передачи общего смысла оригинала. На основе изучения переводческой техники мы далее попытаемся ответить на вопрос, кто мог быть переводчиком данного текста, – иностранец (англичанин?) с хорошим знанием русского языка или человек, родившийся и/или выросший в России и приобретший хорошие знания

¹⁷В XVII в. нидерландский язык в Голландии часто назывался *немецким* (*Duits*), иногда *нижнемецким* (*Nederduits*).

¹⁸Шведский оригинал пока что не удалось обнаружить; скорее всего, он не сохранился.

¹⁹Ср., например, цитаты № 2, 14, 15, 17 ниже.

английского языка. Выдвигается также конкретная гипотеза, – фамилия вероятного переводчика.

Адекватность перевода будет оцениваться, в частности, по следующим критериям:

- ошибки при передаче отдельных лексем и словосочетаний;
- ошибки на уровне синтаксиса;
- пропуски элементов оригинала и последствия подобных утрат для передачи общего смысла исходного текста.

Поскольку в одном предложении порой встречаются неточности на разных уровнях, порядок примеров отражает не типы ошибок, а последовательность текста. При этом надо иметь в виду, что опубликованный в В-К III текст «извета» воспроизводит неверный порядок листов рукописи в архиве (РГАДА)²⁰.

Так как далее обсуждаются, в частности, синтаксические проблемы (и не только на уровне простого предложения, но также и «макросинтаксические»), первые полторы страницы памфлета приводятся целиком, т.е. примеры № 1–8 следуют непосредственно друг за другом. Кроме того, имеется текстуальная связь между цитатами № 9–11 и 16–17.

Текст разбит на отдельные смысловые единицы, в оригинале обозначенные пунктуацией (очень редко точкой, чаще всего двоеточием или точкой с запятой). Слова и выражения, о которых говорится в комментариях, в примерах печатаются полужирным шрифтом. После каждого английского примера в одинарных кавычках дается наш перевод на современный русский язык.

1 Am I thus laid aside, and must I not **speak for myself**? (1²¹)

‘Неужели я таким образом отставлен от дел и мне нельзя говорить от своего имени?’

Так ли я к сторонѣ *отставленъ* что мнѣ не **говорить о собѣ** (л. 34)

Предложение, открывающее послание, передано без существенной потери смысла, однако уже здесь можно обнаружить наиболее слабое место анализируемого перевода в целом: излишне вольное обращение с синтаксическими конструкциями оригинального текста. Если в английском варианте риторический вопрос монарха имеет форму сложносочиненного предложения с союзом *and* без дополнительных смысловых оттенков, то русский переводчик превратил его в сложноподчиненное с придаточным степени – *Так ли..., что...*

На первый взгляд как неточность можно также расценить выбор словосочетания *говорить о собѣ* как соответствия обороту *speak for myself*. С точки зрения современного русского языка более адекватным способом передать значение оригинального выражения, подразумевающего ‘говорить напрямую, от своего имени’, было бы использование предложно-падежной формы *за себя* или *от себя*. Однако языковая практика XVII столетия оправдывает выбор переводчика: подобное значение могло быть передано формой предложного падежа с предлогом *о*²².

²⁰ Анализ перевода при сопоставлении с оригиналом четко указывает на следующий первоначальный порядок листов: 34, 35, 36, 40, 37, 38, 39, 41.

²¹ В наших примерах мы ссылаемся на место в английской брошюре согласно пагинации, указанной сверху на каждой странице, кроме титульного листа. В соответствие с этой (не совсем корректной) пагинацией первая текстовая страница (т.е. второй лист брошюры) начинается на с. 1.

²² Ср. примеры в *Сл. XI–XVII вв.* (24, 10).

2 No! I will speak, & that to all my People, (which I would have rather done, **by the way of my two Houses of Parliament**, but that there is a **publick Order**, neither to **make addresses** to, nor receive **Message** from me) and who but you can be judge of the differences betwixt Me, and my two Houses? (1)

‘Нет! Я буду говорить и обращаться ко всему своему народу (хотя я предпочел бы обратиться посредством моих двух парламентских палат, но, согласно существующему указу, ни ко мне нельзя обращаться напрямую, ни от меня нельзя получать сообщений), и кто, если не вы, в состоянии судить о противоречиях между мной и двумя моими палатами?’

нѣтъ я хочю говорить и то ко всѣм своим людям и то мнѣ хотѣлося учинить **путем обѣми парламентовыми полами** толко за тѣм нелзя что **заповѣдано** ко мнѣ **приходить** ни у меня **посылки** **принимат**. а кому *ж* кромѣ вас разсудит розность между мною и моих двух полатъ парламентовых (л. 34)

Смысл данного фрагмента, на наш взгляд, передан просто отлично (если не говорить о том, что отсутствие знаков препинания сильно затрудняет чтение русского перевода). Совершенно верно переводчик понял, что в обороте *my two Houses* имеются в виду две палаты парламента. Критиковать можно всего лишь несколько мелких деталей. Не совсем удовлетворительной представляется передача английского обстоятельства *by the way of my two Houses of Parliament* «двойным творительным» *путем обѣми парламентовыми полами*²³. Кроме того, представляется, что русский глагол *приходить* излишне сужает значение исходного словосочетания *to make addresses*, однако использованная в русском переводе лексема достаточно четко описывает положение монарха после решения парламента о прекращении с ним всяких переговоров. Переводчик употребил смежную по значению русскую лексему, которая не полностью совпадает с исходной, однако в контексте вполне адекватно передает общий смысл сказанного.

3 I know none else; for I am sure, you it is, who will enjoy the happinesse, or feel the misery, of good, or ill Government; (1)

‘Других (людей) я не знаю, поскольку уверен, что именно вы насладитесь счастьем при хорошем правительстве или испытаете горе от дурного.’

я иных не знаю а вѣдаю подлинно что вы възприемлете радость или узнаете бѣдность *от* доброва и худова владѣнья (л. 34)

В этом примере, несмотря на достаточно точно подобранные лексические соответствия английским словам, смысл всей фразы оказывается недостаточно ясным для читателя русского текста. Проблема, вероятнее всего, состоит в стремлении переводчика следовать синтаксическому параллелизму и практически дословно воспроизвести оригинальную фразу. Но если строй этого английского предложения, при котором происходит сначала группировка прямых объектов, а затем косвенных, предполагает недвусмысленное прочтение, то при переводе на русский необходима была перестановка: *возприемлете*

²³ Пример № 2 является одним из тех случаев, в которых русская формулировка никак не могла появиться на основе голландской брошюры, где совсем не фигурирует слово со значением ‘путь’: «... *door de middelen van beyde myne Huysen van 't Parlement*» (с. А2), т.е. в дословном русском переводе ‘*средствами* моих двух палат парламента’.

радость от доброва или узнаете бѣдность от худова владѣнья. Предложенный же вариант вкупе с неверной передачей второго союза *or* как *и* практически лишает русскую фразу смысла.

4 And we all pretend who should run fastest to serve you; **without having a regard (at least in the first place) to particular Interests:** (1)

‘А мы все соревнуемся, кто быстрее вам услужит, не преследуя (по крайней мере, в первую очередь) какую-либо особую выгоду.’

а мы всѣ умышляли поспешить какъ бы вамъ годность учинитъ **безъ разсужения о мѣсте и о особномъ достоинствѣ** (л. 34)

Переводчик, очевидно, совершенно не понял синтаксиса английского предложения: здесь речь идет о том, что представители разных ветвей власти соревнуются в своем стремлении защитить, в первую очередь, интересы народа, а не свои собственные. Несмотря на сравнительно точный перевод первой части цитаты, а также адекватную передачу английского устойчивого оборота *without having a regard* (‘без учета, без внимания’) предложной конструкцией *безъ разсужения*, смысл предложения далее теряется. Переводчик проигнорировал скобки в оригинале, выделяющие конструкцию *at least in the first place* – ‘по крайней мере / хотя бы в первую очередь’. Опустив несколько английских слов (*at least; in the first*) и выбрав дословный эквивалент лексеме *place*, он поставил слово *мѣсто* в объектную позицию к существительному *разсужения (regard)*, – от которого в оригинале зависит только предложный объект *to particular Interests*. На самом деле переводчик, таким образом, перевел что-то вроде «... without having a regard *to the place and to special dignity*», т.е. смысл оригинала довольно сильно искажен. Вызывает вопрос и подбор лексического соответствия существительному в словосочетании *particular Interests*, которым автор обозначил ‘конкретные интересы / личную выгоду’: русская лексема *достоинство* не может (и не могла) выразить подобного значения.

5 And therefore I desire you to **consider the state I am**, and have been, **in**, this long time, and whether my **Actions** have more tended **to the Publick**, or my own particular **good**; (1)

‘И потому хотелось бы мне, чтоб вы оценили то положение, в котором я нахожусь сейчас и пребываю уже долгое время, и были ли направлены мои действия большей частью на пользу обществу или же на собственную пользу.’

и я прошу у вас **разсудите в какомъ мѣре** я долгое время пребывал и н<ы>не пребываю и **дела мои были ко всемирному** или к моему особному **добру** (л. 34–35)

В первой части примера № 5 переводчик изменил последовательность предикатов: в английском оригинале *I am, and have been*, т.е. сначала настоящее время, потом прошедшее, а в русской версии налицо более «правильная» с хронологической точки зрения последовательность времен: сначала прошедшее, потом настоящее время. Такой прием надо признать допустимой творческой вольностью со стороны переводчика, который даже сделал текст более логичным. Не совсем удачным нам представляется выбор лексемы *мѣра* для передачи английского *state*; несомненно, имеется в виду весьма конкретная ситуация, положение, в котором находится монарх, – статус заключенного. Вряд ли русское слово *мѣра* адекватно передает этот смысл. Не совсем точно переведено

также словосочетание *to the publick ... good* → «ко всемирному ... добру», так как речь идет не обо всем человечестве, а лишь об английской его части.

6 for **whosoever will look upon me**, barely, **as I am Man**²⁴, without that liberty (which the meanest of my Subjects enjoyes) of going whither, and conversing with whom I will: **As a Husband and Father**, without the comfort of my Wife and Children; or lastly, **as a King** without **the least shew of Authority** or Power, to **protect** my distressed Subjects; **Must conclude me**, not only void of all Naturall Affection, but also to want common understanding; if I should not most cheerfully embrace the readiest way, to the settlement of these distracted Kingdoms: (1)

‘А если кто посмотрит на меня как человека, лишенного свободы (имеющейся у самого последнего из моих подданных) ходить куда хочет и разговаривать с кем хочет, как на мужа и отца, лишенного ласки жены и детей, как, в конце концов, на монарха, у которого нет ни капли полномочий и власти, чтобы защитить моих страдающих подданных, — то должен он будет прийти к выводу о том, что я лишился не только всех естественных эмоций, но и здравого смысла, если бы не приветствовал с радостью скорейший путь к установлению мира в растревоженных королевствах.’

а будет **кто возрить на меня** что на простово члвка которои в неволе а и последнеи мои подданнои пребывает в волности и ходит и говорит с кѣм хочеть а я как есть муж и отец без утешения жены моеи и детеи а послѣднее какъ есть корол без **послушания** и без силы **помогать** моих избожженныхъ подданных **и вершу тем** что я без всякого природного приязнства и без разума толко бы я не с радостью принимал ближнои или скорои путь ко уставлению сия²⁵ междуусобных королевствъ (л. 35)

При анализе этого фрагмента бросается в глаза, что длинный английский период с риторическим приемом параллельной конструкции, состоящей из трех фраз с союзом *as* — (*look upon me ... as I am Man ...; As a Husband and Father ...; as a King...*), в русском переводе теряется. В нем использованы разные конструкции: «(возрить на меня) что **на** простово члвка ... а **я как есть** муж и отец ... а послѣднее **какъ есть** корол». Сложная синтаксическая связь английского текста между придаточным предложением *whosoever will look upon me* и главным *Must conclude me, not only void ...* в русской версии потеряна. Совершенно очевидно, что в глазах переводчика *Must conclude me ...* вводит новую мысль; очевидно, он понял ‘я должен закончить (тем, ...)’, т.е. перевел фразу ‘I must conclude’. Мы уверены, что он не понял синтаксическую конструкцию оригинала; лишь на этой основе становится ясно, почему он перевел фразу *Must conclude me, not only void ...* — своего рода *accusativus cum infinitivo* (с опущенным инфинитивом *to be*) — русским главным предложением, *и вершу тем что ...* Тем самым он допускает еще и лексическую ошибку, ведь *conclude* здесь никак не имеет значения ‘закончить, завершить’, а скорее ‘прийти к выводу (о том, что ...)’. Но, как ни странно, — несмотря на это недоразумение, русский текст более или менее понятен и мысль о том, что король был бы глуп, если бы не искал пути к установлению мира, явствует также из русской версии.

²⁴ Вариант [2] здесь имеет неопределенный артикль, «as I am a man», что выглядит как более корректная форма.

²⁵ В издании В-К дана помета «Так в ркп.». Мы на всякий случай проверили рукопись в РГАДА; действительно читается только *сия*, — видимо, ошибка вместо *сих*.

В данном фрагменте имеются еще некоторые случаи, где соответствия английским лексемам подобраны неточно. Во-первых, русская лексема *послушание* не является самым хорошим эквивалентом английского *authority*, но это заимствованное из латыни слово было, конечно, чрезвычайно трудно перевести. Во-вторых, переводчик совсем не перевел усиительный оборот *the least shew* [= show], букв. ‘ни малейшей капли’: в оригинале речь идет о ‘короле, у которого нет ни малейшей доли авторитета или власти, чтобы защитить своих страдающих подданных’. Глагол *помогать* также не является точным соответствием английскому *to protect*; ожидался бы скорее глагол *защитить* (несколько необычная форма глагольного управления, *помогать кого*, вполне может быть вызвана английским транзитивным глаголом *protect*, но как в курантах, так и в других памятниках конструкция *помогать кого* спорадически встречается²⁶). Тем не менее общее описание положения Карла, лишенного реальной власти, передано без больших искажений.

7 As also on the other side, doe but consider **the forme and draught of the Bils** lately presented unto me, and **as they are the conditions of a Treaty**, ye will conclude, that the same spririt which hath still been able to frustrate all my sincere and constant endeavours for Peace, hath had a powerfull influence on this Message; (2)

‘А с другой стороны, только взгляните на форму и язык законопроектов, которые недавно были мне представлены. И поскольку они составляют условия договора, то вы поймете, что тот самый дух, который делал тщетными все мое искреннее и неизменное стремление к миру, оказал существенное влияние и на это послание.’

также разсудите **о тѣхъ статейные писмы**²⁷ которые невдавне поданы мнѣ **о договорныхъ статьяхъ** и вы разсудите что тот дух которой был всегда мочень мешат все мое подостоянное доброе хотѣние к мирному постановленью также силу имѣл и нне в тои ссылке (л. 35)

На примере № 7 можно проиллюстрировать то обстоятельство, что переводчик мог пропустить кое-какие элементы оригинала, – либо по невнимательности, либо из-за того, что не понял, о чем речь. В данном случае он пропустил, в частности, фразу *the forme and draught (of the Bils)*, ‘форму и язык (статей)’. При рассмотрении более широкого контекста выясняется, что пропущенное в этом примере указание на *forme and draught* несет в себе значимую информацию, так как чуть ниже Карл поясняет, что именно **формулировка** представленных ему требований вынудила его ответить парламенту отказом (см. пример № 8).

Переводчик также сократил фразу *as they are the conditions (of a Treaty)*, написав (*статейные писмы ...*) *о договорныхъ статьяхъ*, и, убрав ненужные, на его взгляд, детали, не передал достаточно важный смысловой компонент подлинника: законопроекты и другие требования парламента, предъявленные Карлу в декабре 1647 г., согласно оригиналу являются лишь условиями для будущего договора между королем и парламентом.

²⁶ Подробнее см. Maier (1997, 248–250), где приведен данный пример из письма английского монарха (под № 365), но без указания оригинала, который нам в то время еще не был известен.

²⁷ В издании при предложной конструкции *о тѣхъ статейные писмы* имеется помета «Так в ркп.». Однако в работе Maier (2006, 179–181), где тоже рассматривается этот пример из В-К (под № 272), для конструкции *о* + вин. падеж приводятся и другие примеры из истории русского языка, а также научная литература на эту тему.

8 for though I was ready to grant the substance, and comply with what they seeme to desire, yet **as they had framed it**, I could not agree thereunto, without deeply wounding my Conscience and Honour, and betraying the trust reposed in me, by abandoning my People **to the Arbitrary and Unlimited Power** of the two Houses for ever (2)

‘И хотя я был готов дать согласие по сути и исполнить то, чего они, видимо, хотят, но в том виде, как они сформулировали это, я не мог принять – не нанеся глубокой раны моим совести и чести и не обманув доверие, возложенное на меня, оставляя мой народ навеки в деспотической и неограниченной власти двух палат (парламента)’

а хотя я и готов был на тѣ дела и статьи что онѣ прошали и написали и я на то не мог изволим без глубокои раны в совести моеи и чести изменяючи ту вѣрность что положено на меня предаючи людем своих **в недостойную силу** обѣимъ полатам парламентским на вѣкъ (л. 35)

На основании того обстоятельства, что переводчик и здесь не перевел информацию о частных формулировках в законопроектах (в отличие от их содержания), можно, вероятно, сделать вывод о том, что он не понял эту антиномию, – которая, кстати, по существу скорее является риторическим оправданием со стороны монарха, нежели настоящей причиной его отказа. В итоге, нужно признать, из русского текста не явствует, что отказ на требования парламента, согласно письму Карла, вызван не сутью предложений, а их формой.

Перевод второй части английского предложения, начиная со слов *without deeply wounding*, не вызывает никаких возражений; даже передача оборота *Arbitrary and Unlimited Power* кажется нам вполне удовлетворительной, так как ‘деспотичная и неограниченная власть’ – действительно ‘недостойная’.

9 **And if I could have passed them [Bills] in termes**; how unheard-of a condition were it for a Treaty, to grant beforehand the most considerable part of the subject matter? (2)

‘И если бы я одобрил эти законопроекты в установленный срок, то что за неслыханное было бы условие для договора – гарантировать заранее наиболее существенную часть содержания?’

а какъ бы яз могъ речми выговорит такая статья что в договоре поволим наперед болшую часть мирских дѣл (л. 36)

Есть основания прийти к выводу, что переводчик совершенно не понял смысла условного придаточного предложения, открывающего пример № 9. Сослагательное наклонение оригинала не сохранено в переводе. Переводчик также не понял, что глагол *to pass* в данном контексте значит ‘принять’, выбрав русский глагол *выговорить*. Остальная же часть этого примера, на наш взгляд, переведена более или менее удовлетворительно.

10 How **ineffectuall were that Debate like to prove**, wherein **the most potent Party** had nothing of moment left to aske; and **the other** nothing more to give? So concequently, how hopeless of mutuall compliance; Without which, a settlement is impossible: (2)

‘И насколько неэффективной оказалась бы дискуссия, в которой самой могущественной стороне ничего значительного не осталось просить, а другой уже нечего дать?’

Следовательно, насколько безнадежно выглядело бы взаимное согласие. А без него договор невозможен.’

и **какъ такои споръ добромъ вершить** коли ничто не оставлено **болшому началу** просить а **имъ** нѣчево дать и тутъ какому соединению и договору чаят быть а бес тово уставления и **быт** нелзя (л. 36)

В примере № 10, как представляется, у переводчика не было принципиальных проблем с пониманием оригинала. Использованная им синтаксическая конструкция сильно отличается от английской; например, выражение *prove ineffectuall* переведено словами *добромъ вершить*. Перевод лексемы *Debate* русским словом *споръ* тоже весьма удачен. На первый взгляд, переводчик допускает ошибку, используя *начало* для передачи оригинального *Party*. Однако имеющееся у русского существительного значение ‘власть’ вполне оправдывает перевод с помощью именно такого лексического средства, так как автор ведет речь о «наиболее могущественной ветви власти», т.е. о себе самом (как о монархе); *the other* – это противники Карла (которых он никогда не называет по имени), что и понял переводчик, написав *имъ* (*нѣчево дать*).

Остальная часть цитаты № 10 тоже передана настолько свободно, что даже трудно прийти к выводу о том, понял ли переводчик все отдельные слова (например, *compliance*; см. об этом слове также ниже, в примере № 15). Неверной выглядит фраза «бес тово уставления и **быт** нелзя», где родительный падеж существительного придает смысл ‘без того уставления и невозможно существовать’, в то время как в оригинале автор говорит о том, что сам этот договор недостижим без взаимного согласия. Хотя нельзя исключить вариант, что виновником этой ошибки является не переводчик, а переписчик, который перепутал в скорописи буквы *ю* (окончание дательного падежа) и *я*, – фраза «бес тово уставлению и **быт** нелзя» могла бы полностью передать смысл оригинала.

11 Besides, if **after my concessions**, these two Houses should **insist** on those things, from which I cannot depart; how **desperate** would **the condition** of these Kingdomes be, when the most proper and approved **remedy should become ineffectuall**? (2)

‘Кроме того, если после моих уступок эти две палаты будут настаивать на этих вещах, от которых я не могу отойти, то насколько безнадежным стало бы положение этих королевств, когда самое подходящее и испытанное средство станет бесполезным?’

а толко тѣ двѣ полаты парламенты без меня **внимутся** в тѣ дела *от* которых мнѣ отступить нелзя и в какомъ страховане сѣ королевства будутъ коли тѣ болшие и надобные дела **на мѣре не стоят** (л. 36)

В примере № 11 одна из частей английского предложения – временное обстоятельство *after my concessions* – утрачена полностью, так что русскому читателю не становится ясным, что речь идет о (нереальной) ситуации, в случае если бы король принял «ультиматум» парламента. Таким образом, хотя условное придаточное предложение (в оригинале: *if ... these two Houses should insist*) в принципе хорошо передано в переводе с помощью союза *только*, общий смысл теряется. Пропущено также английское существительное *condition*, т.е. слова *desperate... condition* переведены словом *страхованье*, но, как нам кажется, без ущерба для адекватности перевода.

Более существенной неточностью кажется выбор глагола *внимутся* в качестве соответствия английскому *insist*. Русский глагол, имевший в языке того периода значение «сосредоточиться, подумать»²⁸, разумеется, не содержит в себе значения оригинальной лексемы и не передает смысла королевских претензий к парламенту. Кроме того, слишком неточным нам представляется выбор многозначного русского слова *дело* как эквивалента английскому *remedy* ‘средство’²⁹, а также перевод фразы *should become ineffectuall* с помощью *на мѣре не стоят*.

12 I only endeavour'd to make **the Reasons and Justice of my Denyall** appear to the world, **as they doe to Me**, intending to give **as little dissatisfaction** to the two Houses of Parliament, (without betraying my own Cause) **as the matter would beare**: (2–3)

‘Я лишь стремился к тому, чтобы представить причины и справедливость моего отказа такими, какими они представляются мне лично, и старался причинить настолько малую обиду двум палатам парламента (при этом не предав собственное дело), насколько это было возможно.’

толко я объявляю **тѣ мѣры и правду** свою *всеи* вселенной **для чево я отказал как онѣ надо мною учинили** не хотя и *малои* досады *тѣмъ* двумъ полатам парламентам [так в ркп. – *И.М., Н.М.*] учинить а свое прямое поступитца не хочу **какъ дѣло настоит** (л. 36)

Начало предложения переведено понятно и правильно. Так, например, переводчик нашел хороший эквивалент обороту *to make ... appear to the world*, написав «объявляю ... *всеи* вселенной», а также выражению *Reasons ... of my Denyall* → «для чево я отказал». Но он совершенно неправильно понял фразу *as they doe to Me*. В ней местоимение *they*, безусловно, относится к абстрактным именам существительным *Reasons and Justice*, а *doe* не является здесь автосемантическим глаголом со значением ‘делать’, а заменяет глагол *appear*. По мнению переводчика, *they* – это противники монарха в парламенте, а *doe* – самостоятельный глагол. В результате он написал *надо мною учинили* – т.е. его противники якобы учинили над ним очередное беззаконие! Видимо, упоминание о «парламентовых полатах» в следующем предложении и вызвало эту ошибку.

Во второй части примера № 12 переводчик не понял английскую сравнительную конструкцию *to give as little dissatisfaction ... as the matter would beare* (‘насколько малую обиду, ... насколько’), заменив открывающий конструкции союз *as* на эмфатический *и*. Таким образом, вторая часть конструкции осталась без связи с первой, и фразу *as the matter would beare* – вторую часть сравнения – пришлось перевести отдельно и буквально, *какъ дѣло настоит*, что привело к частичной утрате смысла.

13 ... because I took notice of the *Scots* Commissioners protesting against the Bills and Propositions, **as contrary** to the interests and engagements of the two Kingdomes: (3)

‘... потому что я обратил внимание на протесты шотландских комиссаров в отношении законопроектов и предложений как противоречащих интересам и соглашениям обоих королевств.’

²⁸ Сл. XI–XVII вв. (2, 247).

²⁹ В Сл. XI–XVII вв. (4, 206–208) приводятся 13 разных значений под отдельным номером.

... только для того что я примѣтил что шкотцкие комисары учинили споръ противъ тѣхъ писемъ и речей **что будто не противъ** договору и укрепления обѣихъ королевствъ (л. 40)

Все отдельные слова в цитате № 13 переведены отлично, но смысл оригинала тем не менее не сохранился. Кардинальная ошибка переводчика состоит в том, что он добавил ничем не обоснованную отрицательную частицу *не*, придающую этой фразе противоположный смысл. Кроме того, он выбрал недостаточно точное соответствие английским лексемам *Bils and Propositions* (писемъ и речей) и, напротив, слишком узкое в случае *interests and engagements* ((не противъ) договору и укрепления).

14 But the Commissioners refusing to receive my Answer Sealed, I (upon the engagement of their, and the Governors Honour, that **no other use should be made, or notice taken of it, then**³⁰ as if it had not been **seen**) **read** and delivered it open unto them; (3)

‘Но так как комиссары отказались принять мой ответ в запечатанном виде, я (заручившись их и губернатора честным словом, что письмо никаким другим образом не будет использоваться или приниматься к сведению, как будто никто и не видел его) прочитал и отдал его им в открытом виде.’

только комисары отвѣтъ мои за печатью не взяли и я по их язности и по воеводцкои чести. что **ничего не переменить** и **иноко не разумѣть** только такъ какъ тут **чтено и видели** и отдал им не за печатью (л. 37)

Проигнорировав скобки в английском тексте, переводчик объединил предикаты *чтено и видели*, в то время как в оригинале причастие *seen*, разумеется, относится к содержанию придаточного предложения в скобках: *as if it [my Answer] had not been seen* ‘как будто его [ответ] никто и не видел’. Глагольная форма действительного залога (прошедшего времени) *read* в английской версии является сказуемым главного предложения и относится к дистантному местоимению *I* – ‘я (...) прочитал и отдал ...’. Кроме того, *ничего не переменить* и *иноко не разумѣть* не являются сколько-нибудь точными соответствиями английской фразе *no other use should be made, or notice taken of it*; русский переводчик подумал, что комиссары могли изменить текст, – о чем в оригинале нет и речи. В результате мысль о том, что ответ монарха на требования парламента в конечном итоге был передан в распечатанном виде, из русской версии ясна, но его условия (содержание скобки) переданы неудовлетворительно³¹.

15 But that which makes me most **at a losse**, is, the remembering my signall **compliance with the Army**, and their **interests**; and of what **importance** my **Compliance** was to them; and their often repeated Professions and Ingagements, for my just Rights, **in generall**, at *Newmarket*

³⁰ В современном английском языке *than*.

³¹ Ср. русский перевод с совершенно точным нидерландским, в котором сохранился смысл как главного предложения, так и условий монарха, сформулированных внутри скобок: «Ick (op het verbont van hare ende des Gouverneurs Eere/ dat sulcks tot geen ander ghebruyck soude ghetrocken/ oft geen ander kennisse daer van genomen werden/ dan als oft het niet en ware ghesien gheweest/) las ende leverden [sic!] het hun open» (A3). Единственная ошибка в этом переводе – окончание множественного числа у глагола *leverden* (вместо *leverde*): переводчик забыл, что у него перед скобкой фигурировало местоимение *Ick*, т.е. единственного числа.

and S. *Albans*; and their particular explanation of those generals, by their Voted and Re-voted Proposals; (4)

‘Однако больше всего мое недоумение вызывает воспоминание о моем крепчайшем согласии с армией и соблюдении их интересов, и о том, насколько важным для них было это мое согласие, и об их часто повторявшихся заверениях и обещаниях относительно моих прав в целом, (как это было) в Ньюмаркете и Сент-Олбансе, и об их особом истолковании этих общих принципов, изложенных в предложениях, за которые голосовали несколько раз.’

а всего болши **мнѣ к убытку** то памятуючи **свою жалобу к войску** и ихъ **язнусть** и о чем та моя **жалоба** была к нимъ а их частая изязность и³² укреплению что стоять за мою прямую правду **во всемъ** а то дѣялось в Ньюмакте да и в Свингъ Албунсе и их особные рѣчи **о тѣх воеводах и генерал**[...³³] которых они по своему согласному изобранию **имяновали** (л. 38)

В этом примере мы обнаруживаем целый ряд ошибок и неточностей. В начале, как нам кажется, переводчик не понял фразеологизма *to be at a losse* (ныне: *loss*) ‘быть в недоумении’ и перевел его буквально, словами *мнѣ к убытку*³⁴. Гораздо более серьезную ошибку он допустил в связи с переводом абстрактного существительного *compliance*, даже два раза. Очевидно, что переводчик перепутал сходные по своему графическому облику слова *compliance* / *complyance* (‘согласие’) и *complaint* (‘жалоба’). Ошибка привела к полному искажению содержания: вместо ‘согласия с армией’ в переводе идет речь о жалобе к войску! В результате далее следует и неверный перевод лексемы *interests* как *язнусть* (‘обещание’³⁵), и пропуск слова *importance*. Из-за всех этих последовавших за первой ошибкой неточностей смысл оригинала совершенно утратился.

Но на этом ошибки в цитате № 15 не закончились. Еще одну грубую лексическую ошибку переводчик допустил, выбрав как эквивалент для использованного в абстрактном смысле существительного *generals* (в значении ‘общие принципы’) сразу два обозначения военных чинов: он написал *воеводы и генералы*³⁶ (слово *воеводы*, видимо, добавлено потому, что заимствованное слово *генерал* еще не было достаточно употребительным). Этой ошибке способствовало то обстоятельство, что в данном предложении действительно упомянута армия. После этой кардинальной ошибки было невозможно «спасти» остальную часть предложения: переводчик продолжает говорить о каких-то генералах, которых «они» (как всегда, парламент) якобы назначили. При этом

³² В издании В-К дано примечание: «Так в ркп., вместо к?». В рукописи, вне всяких сомнений, действительно имеется буква *и*. Остается предположить, что переписчик неправильно прочитал букву *к* в черновике, – иначе трудно объяснить форму дательного падежа, *укреплению*.

³³ Буквы в рукописи не читаются, они стерты (см. примечание № 3 к л. 38 в издании В-К).

³⁴ Переводчик с английского на нидерландский понял фразеологизм так, как его понимаем и мы; он написал «Maar 't ghene my aldermeest te soecken geeft» (А3) ‘а то, что причиняет мне больше всего размышлений’.

³⁵ См. *изъязатися* ‘вызваться на что-л., пообещать’ в *Сл. XI–XVII вв.* (6, 215) и *яз(ь)нутися* ‘обещаться, дать слово’ в словаре Срезневского (3, 1650). В В-К глагол *язнутися* встречается довольно часто, причем нередко в сочетании с синонимом *обещать(ся)*; ср. например, следующие цитаты из В-К I, 57: «высокопомянутой гсдрь лантъграф Гессинской его княжская млсть язнулса и обешался цесарскому величеству ...», «язнулса и обешался высокопомянутой Амброзиус Спинола ...».

³⁶ Ошибки с «генералами» и с «жалобой» (вместо «согласия») рассматривались также в работе Maier (1999, 88).

замечательно, что оборот *in generall*, встречающийся в том же фрагменте, правильно переведен словами *во всемъ*.

16 Is it **frequent** Parliaments? I have **legally**, fully concurr'd therewith: (5)
'Идет ли речь о частом созыве парламента? Я законным порядком дал на это полное согласие.'

будет хотя^т что парламенту бы^т и я доп^{ол}на на то изволил (л. 39)

К концу своего письма (в использованном нами английском издании на предпоследней, пятой странице текста) автор задает своим противникам ряд риторических вопросов: чего они добиваются от него? После каждого вопроса он дает короткий комментарий (обозначаемый ниже многоточием): «And now I would know, what it is that is desired: Is it Peace? [...] Is it Plenty and Happinesse? [...] Is it Security? [...] Is it liberty of Conscience? [...] Is it the right administration of Justice? [...]» Цитаты № 16 и 17 являются последними из этих семи вопросов.

В примере № 16 переводчик пропустил две лексемы (напечатанные в цитате полужирным шрифтом): *frequent* и *legally*. Пропуск второй лексемы не ведет к серьезным искажениям, а пропуск слова *frequent* все же придает русскому вопросу существенно иное значение: в русской версии как будто ставится вопрос о том, собираться ли парламенту вообще, в то время как в оригинале речь шла о «частых», т.е. регулярных, собраниях.

17 Is it the **Arrears** of the Army? upon a settlement, they will certainly be payed with much ease; but before there will be found much difficulty, **if not impossibility in it.** (5)

'Идет ли речь о задолженностях перед армией? После принятия соглашения им, разумеется, тотчас заплатят. Но до этого времени это будет связано с большими сложностями, если вообще не исключено.'

а будет **недоразумѣние** у воинскихъ людехъ [так в ркп. – *И.М., Н.М.*] и имъ подлинно платеж будет с покорствомъ какъ || мир уставитца а до тово розни много (л. 39, 41³⁷)

В этом примере все удовлетворительно, кроме самой последней фразы английского текста, *if not impossibility in it* (которая просто опущена) и перевода слова *arrears*, под которым разумеется задержка в выплате жалованья. Как переводчик мог написать о недоразумениях? Очевидно, он не понял специального термина *arrears* и воспринял это слово как *errors*, т.е. якобы ошибки армии! Эти «ошибки» он истолковал как 'недоразумение', т.е. сам допустил очень серьезную ошибку – одну из тех, которые, как нам кажется, выдают в нем человека, не владевшего английским языком на уровне настоящего носителя языка. Заметим, что у переводчика с английского на нидерландский этот термин, фигурирующий во многих исторических документах того времени, не вызвал никаких проблем; он написал совершенно правильно: «Is het t'achterstel van het Legher?» (с. АЗ об.).

18 Thus all the world cannot but see my **reall** & unwearied endeavours for Peace (5)

³⁷ Листы в архиве перепутаны; см. также примечание 20.

‘И потому весь мир не может не видеть моих подлинных и неуклонных стремлений к миру’

и потому мочно *всеи* вселенной *видет* и знать мое **королевское** безпрестанное хотѣние о миру (л. 41)

На нашем предпоследнем примере можно проиллюстрировать еще одну странную оплошность переводчика. Она опять вызвана (как и в примерах со словами *compliance* / *complaint* и *arrears* / *errors* соответственно; см. № 15 и 17) графическим сходством двух английских слов, в данном случае *real* и *royal*, – очевидно, переводчик прочитал *my royall ... endeavours for Peace!* При этом, как нам представляется, не играет роли то обстоятельство, что испанское слово *real*, а также итальянское *reale* действительно имеет значение ‘королевский’ (помимо ‘настоящий’), так как маловероятно, что данный переводчик с английского также знал какой-нибудь из этих языков. Ошибка, конечно, не страшная; она вряд ли искажает смысл оригинала, но это все-таки явная ошибка. Разумеется, если переводчик был немолодым человеком, у него могли быть затруднения в различении букв *e* и *o*, так что написания *reall* и *roall* могли выглядеть идентично, особенно если в брошюре использовался мелкий шрифт и переводчик был близоруким. Но в английском слове со значением ‘королевский’ еще обязательно присутствует буква *u*, которую читателю – носителю английского языка, даже близорукому, пропустить трудно. Поэтому данная ошибка опять свидетельствует о том, что переводчик «извета» Карла I, вероятнее всего, не был носителем английского языка.

19 And if it be my hard **Fate** to fall together with the liberty of this Kingdome, **I shall not blush for my selfe**, but much lament the **future miseries** of my People; the which; I shall still **pray to God** to avert; what ever becomes of me. (6)

‘А если жестокая моя судьба будет заключаться в том, чтобы пасть вместе со свободой этого королевства, то я не буду краснеть от стыда за себя, но буду горевать о грядущих тяготах моего народа, от которых я продолжаю молить Бога их избавить, что бы ни произошло со мной.’

А *будет* моя жестокая **вина** такова что пасти вмѣсто с поволностию всего королевства а **о себѣ радѣть не стану** лише много тужит буду **о погибели** моих людей а я всегда **молю бга** тово *отворотит* а надо мною что не учинится (л. 41)

В этой завершающей письмо цитате почти все переведено правильно. Имеется лишь одна серьезная ошибка (и несколько менее серьезных), а именно выбор неподходящей лексемы *вина* в соответствии с английским словом *Fate*, которое надо было бы перевести, например, словом *рокъ* или *судьба*. В чем тут дело? Нам кажется, эта ошибка позволяет предположить, что переводчик также знал либо нидерландский, либо французский язык и что он перепутал французскую лексему *faute* или ее нидерландское соответствие *fout* (заимствованное, разумеется, из французского; ранее в нидерландском также с написаниями *faute*, *foute*) с английским словом *fate*. В нидерландском и французском языках слово *fout* / *faute* означает ‘ошибка’, а эта лексема семантически близка слову *вина* (как во французском, так и в нидерландском эта лексема может быть употреблена в случае «моральной ошибки», т.е. вины).

Очень странно выглядит перевод английской фразы *blush for my selfe* ‘краснеть от стыда за свои поступки’ русским оборотом *о себѣ радѣть*. Нельзя исключить, что

переводчик в своем черновике написал *о себѣ рдѣть не стану*, 'не буду краснеть за себя', что было бы хорошим переводом, а редактор или переписчик ошибочно «исправил» первоначальное (правильное) *рдѣть* на *радѣть*. С другой стороны, в переводе изначально могла быть допущена излишняя вольность и слова автора изменились на 'не буду печься / заботиться о себе', что не противоречит логике всего высказывания и, по мнению переводчика, является моделью поведения «идеального монарха» в трудное для его королевства время.

В остальной части приведенного фрагмента нет серьезных ошибок, а только мелкие погрешности. Так, например, *погибель*, несомненно, обозначает несколько более серьезную беду, чем английское (*future*) *miseries*, 'грядущие тяготы'. Примечательно, что русский переводчик не выбрал конструкцию с дательным падежом как эквивалент английскому *I shall... pray to God*, а написал *молю б<о>га*, употребив самую распространенную модель управления в русском языке XVII в., *молить кого*³⁸.

Подводим итоги анализа русского перевода. Русский текст «извета» Карла I служит хорошим образцом переводческой практики середины XVII в., отражая черты, свойственные и другим подобным переводам. Следует отметить общую адекватность русского перевода оригинальному тексту³⁹, несмотря на частичную, а иногда даже полную утрату эквивалентности при передаче отдельных элементов.

Анализ русского перевода по сравнению с английским оригиналом показал, что передача отдельных лексических единиц, как правило, не составляла серьезной проблемы для переводчика. Однако в некоторых случаях он, по-видимому, смешивал схожие по внешнему облику английские слова (паронимы); например, он перевел слово *complaint* вместо *compliance*, *errors* вместо *arrears*, *royal* вместо *real*; в одном случае он перепутал английское слово *fate* с французским или нидерландским *faute*. В некоторых случаях эти ошибки не оказывают существенного влияния на адекватность перевода в целом, но иногда они все же приводят к сильному искажению содержания оригинала. В некоторых из приведенных выше примеров переводчик не распознал устойчивые английские выражения (см. примеры № 4, 12, 15). Наиболее же серьезные ошибки связаны с неспособностью переводчика верно истолковать сложные синтаксические периоды оригинала, в частности в тех случаях, когда какая-то добавочная информация давалась в скобках (примеры № 4, 14). Как было продемонстрировано, утрата смысла английского текста в основном касается отдельных нюансов королевского послания и частных подробностей описываемых им событий, тогда как в целом содержание английского источника не искажается. Общее впечатление читателя о правоте английского монарха в конфликте с парламентом сохраняется, и доводы автора в принципе звучат убедительно также и в русском переводе.

Сравнивая качество данного перевода с другими, выполненными в Посольском приказе приблизительно в это же время, нельзя, однако, не заметить, что количество ошибок, основанных на недоразумениях и неверных толкованиях оригинального текста со стороны переводчика, в анализируемом тексте гораздо выше, чем в любом переводе с немецкого или нидерландского. Так, например, в работе Maier & Pilger (2001, 233) авторы пришли к выводу, что переводчик полномочной грамоты, выданной испанским королем

³⁸ В В-К встречаются также примеры с дательным падежом; см. подробнее в работе Maier (1997, 229–230).

³⁹ Это же обстоятельство отмечено и в работе С. Гардинера, посвященной переводу письма Карла II царю Алексею Михайловичу (Gardiner 1963, 130; перевод 1673 г.).

Филиппом IV его послам для подписания договора о мире с Генеральными штатами Соединенных нидерландских провинций (сам договор был подписан 30 января 1648 г. в Мюнстере), отлично выполнил свою задачу. В этом документе, занимающем приблизительно столько же листов, что и «извет» Карла I, и переведенном примерно в то же время (весной 1648 г.), вообще не было обнаружено ни одной действительно серьезной, совершенно искажающей текст ошибки – между тем как в переводе письма Карла I все же имеется большое количество таких серьезных ошибок. В то время как оба переводчика владеют русским языком в совершенстве, бросается в глаза большая разница во владении нидерландским и английским языками соответственно: «нидерландский» переводчик 1648 г., очевидно, гораздо лучше знал «свой» иностранный язык, чем «английский» переводчик. По качеству перевода и по количеству ошибок и недоразумений проанализированный перевод с английского скорее всего сравним с переводами трех статей из латинской газеты 1670 г., в которых тоже обнаруживается ряд очень серьезных ошибок; ср. Maier (2003) и В-К VI, ч. 2 (комментарии к оригиналам № 589–591⁴⁰). Дело, по-видимому, в том, что переводчики с немецкого и нидерландского практиковались в «своих» иностранных языках едва ли не каждый день, а «латинистам» и «англистам» очень редко приходилось переводить газеты или брошюры со сложным политическим содержанием. Очевидно, нашему «английскому» переводчику не на чем было совершенствоваться.

3. Кто перевел «извет» Карла I?

В конце нашей работы мы попытаемся ответить на вопрос, кто же все-таки был переводчик английского памфлета. Уже в предыдущем разделе мы неоднократно замечали, что переводивший, очевидно, не владел английским на уровне носителя языка, так как он допустил такого рода ошибки, которые были бы немыслимы для взрослого человека с родным английским языком. Судя по диссертации А. В. Белякова о служащих Посольского приказа второй трети XVII в., в 1644–1652 гг. в Посольском приказе работал всего один переводчик со знанием английского (Беляков 2001, таблица 7⁴¹). Это был известнейший Иван Фомин (Алманзенев)⁴² – по словам Адама Олеария, «самый выдающийся толмач царя Ганс Гельмес» («des Zaren vornembster Tolmetscher Hans Helmes»; Olearius 1647, 28). В 20-е и 30-е годы XVII в. он был самым высокооплачиваемым переводчиком Посольского приказа (Волков 1978, 153). Известно также, что Иван Фомин Алманзенев был одним из двух переводчиков «Воинской книги» с немецкого на русский (перевод 1607 г.; см. Соболевский 1903, 103–104). Кроме того, в своей чрезвычайно интересной статье об Иване Фомине российский историк Д. В. Лисейцев (2006) убедительно доказывает, что вероятнее всего Иван Фомин был одним из анонимных авторов неопубликованного источника по истории социальной структуры,

⁴⁰ Переводчик оригинала № 588 – тоже с латинского языка, но не из газеты – гораздо лучше справился со своей задачей.

⁴¹ Мы воспользовались компьютерной распечаткой диссертации Белякова, без пагинации. Согласно той же работе, с 1653 по 1675/76 гг. не было ни одного переводчика с английского языка. Единичные переводы тем не менее исполнялись также и в этот период; ср., например, перевод письма английского короля Карла II, анализируемый С. Гардинером (Gardiner 1963). Наверное, в таких случаях использовались толмачи, предназначенные, в принципе, для устного перевода.

⁴² Подробнее о переводчике Посольского приказа Иване Фомине (также Алманзенев, И. Ф.) см., в частности, Angermann (1998, 238); Белоброва (1992); Волков (1978, 150–151); Лисейцев (2003, 357–358; 2006).

административного устройства и по законам Московского государства, написанного на английском языке в 1599 г. и известного с 1980-х годов как «Писанные законы России»⁴³.

Несколько менее надежны приведенные в упомянутой работе данные об этнической принадлежности, семейном происхождении и предположительном годе рождения переводчика. Согласно Лисейцеву, Иван Фомин «происходил из натурализовавшейся в России английской семьи, его дед Ричард Элмес прибыл в Москву в 1557 г. в числе первых англичан. Джон [т.е. Иван Фомин. – И.М., Н.М.] родился около 1574 г., вероятно – в России» (Лисейцев 2006, 245). Нам трудно судить, насколько достоверна информация о Ричарде Элмесе как дедушке Фомина⁴⁴. Как нам представляется, отождествление семьи переводчика и английского врача Ричарда Элмеса сделано на том основании, что английские источники иногда называют Фомина по фамилии Elmes (или Elmston). Но в немецких источниках он скорее фигурирует как Hans Helmes (Helms, Helmsen), т.е. англичане и немцы по-своему оформляли одну и ту же фамилию. Когда Иван Фомин был отправлен гонцом к императору Матвею, в пражском документе 1616 г. он назван *Iwanen Fomin Sinna Helme Sena* (Leitsch 1960, 198, прим. 136). Представляется, что «пражское» написание является транскрипцией из русского документа, в котором фигурировал родительный или винительный падеж, («отправили ... ?»), что объясняет последние буквы в немецкой форме имени (*Iwanen*) и окончание *-a* в словах *Sinna* (= сына) и *Helmesena* – последнее слово, конечно, не следовало разделять на две части. (В немецкой форме *Fomin* отсутствует «русское» падежное окончание.) Однако, как констатирует Лейтш (там же), начальная буква *H* в фамилии *Helmesen* не могла бы появиться на основе русского документа, – видимо, это все же та форма фамилии, которую указал (или исправил) сам переводчик, и именно эта форма, по нашему мнению, лежит в основе русской формы *Алманзенов*, используемой Фоминым по крайней мере в одной челобитной⁴⁵. Русское *-зенов* указывает на наличие -

⁴³ О «Писанных законах» см. также Богатырев (1995). В настоящее время анонимная рукопись хранится в библиотеке университета Мак-Гил в Монреале (Лисейцев 2006, 241). Согласно Лисейцеву, Иван Фомин не мог быть единственным автором этого сочинения; Фомин, будучи переводчиком Посольского приказа, отлично знал внутреннюю жизнь этого ведомства, а также был хорошо знаком с другими приказами, но не мог знать английских аналогов всех русских чинов, как, например, дьяк – клерк, недельщик – сержант, наместник – лейтенант, сотник – констебль, староста – бейлиф. Вторым автором рукописи был, как считает российский историк, «кто-либо из коренных англичан», а именно Джон Меррик (John Merrick), главный агент Московской компании в Москве. (Подробнее о Джоне Меррике см. монографию Phipps 1983.) С Мерриком Иван Фомин был хорошо знаком (Лисейцев 2006, 247). Д. В Лисейцев также доказывает, что Иван Фомин был консультантом Адама Олеария весной 1654 г., когда последний писал главу «О различных канцеляриях в Москве и об их делопроизводстве» (книга III, гл. 19; там же, 250). Таким образом, пишет Лисейцев, становится понятным, почему Олеарий в повествовании о событиях 1634 г. вдруг сообщает о том, что спустя 20 лет, в 1654 г., переводчик Гельмес был еще жив и служил в Посольском приказе (там же, 251).

⁴⁴ Впрочем, с предположением о Ричарде Элмесе как дедушке Фомина мы сталкиваемся впервые в работе Лисейцев (2006); еще в монографии того же автора о Посольском приказе (Лисейцев 2003, 357) нет этого отождествления: там только сказано, что Фомин по происхождению – англичанин.

⁴⁵ Начальный звук [h] в ранних русских заимствованиях обычно не имел соответствия; ср. адаптацию скандинавских имен *Helgi*, *Helga*, по-русски *Олег*, *Ольга*, или финского племени *Häme*, рус. *Ямь*, *Емь* (Vasmer 3, 490–491); ср. также принятую еще в документах XVII в. транскрипцию немецкого имени *Hans* в виде *Анц* и адаптацию немецких титулов *Herzog*, *Herzogin* в виде *арцуг*, *арцугиня* (Сл. XI–XVII вв. 1, 54).

⁴⁷ См. Белоброва (1992, 72), Волков (1978, 150); Лисейцев (2003, 357), Милюкин (1909, 76). Практически единственным исключением является Т. И. Райнов (1940, 349), который предполагает, что Иван Фомин родился в Ливонии или в Белоруссии и либо перебежал на российскую сторону, либо оказался в России в

sen в исходном имени. Можно себе представить более близкую транслитерацию немецкой или английской фамилии, но, вероятно, «натурализовавшийся» в России иностранец сознательно выбрал именно такую форму своей фамилии, которая в меньшей степени выдает его как иностранца.

В то время как в новейшей историографии Ивану Фомину предлагается дедушка – англичанин Ричард Элмес, историки до сих пор не предложили никакого отца (вероятно, по имени Фома, так как Фомин считается отчеством Ивана). Но даже национальность переводчика, на наш взгляд, вряд ли установлена с полной достоверностью. Правда, большинство российских историков считает его природным англичанином⁴⁷, в то время как немецкие историки, писавшие об Иване Фомине, по крайней мере не исключают, что он был немцем, например, из Ливонии⁴⁸. Поскольку, однако, Иван Фомин в челобитной 1589 г. просит, чтобы ему по царскому приказу было велено быть «в Полском (*sic!*) приказе в агленских толмачах и в переводчиках безотступно», а в деле по челобитной о нем даже эксплицитно говорится как об «англичанине»⁴⁹, мы склонны присоединиться к мнению российских историков об английских корнях нашего переводчика.

Обычно считают, что Фомин приехал в Россию в 1581 г. вместе с английским доктором Робертом Якобом (Robert Jacob), лейб-медиком королевы Елизаветы I (Белоброва 1992, 72), – вероятно, из-за того, что в уже упомянутом деле по челобитной от февраля 1589 г. сказано, что до поступления в Посольский приказ Иван Фомин «был в толмачех у тохтура (*sic!* = доктора) у Романа» (речь идет о докторе Роберте Якобе, которого в России звали также Романом Елизарьевичем). Убедительного доказательства предположению о приезде Фомина в Россию в 1581 г. мы до сих пор не видели. В монументальном исследовании немецкого историка З. Думшат об иностранных медиках в Московском государстве Иван Фомин в связи с приездом в Россию доктора Якоба вместе с его братом и с аптекарем Джеймсом Френчемом (James Frencham) вовсе не упоминается (Dumschat 2006, 173; 635). Кроме того, неизвестно, каким образом будущий переводчик Посольского приказа мог выучить русский язык в Англии. На основе отличных знаний русского языка и далеко не стопроцентного понимания рассмотренного нами английского

качестве военнопленного. Его аргументация, однако, не очень убедительна и не подтверждается документами.

⁴⁸ З. Думшат считает его либо немцем, либо англичанином (Dumschat 2006, 630), а Н. Ангерман предполагает, что он скорее всего родился в Ливонии (Angermann 1998, 238). Таким образом, он мог знать русский, нижненемецкий и верхненемецкий языки с детства, а английский мог выучить в общении с англичанами в Москве, так как нижненемецкий и английский весьма близки. Как аргумент в пользу ливонского происхождения Ангерман приводит, в частности, тот факт, что переводчика в ранних документах иногда называли по имени «Анц», – а это обычное соответствие и довольно точная транскрипция немецкого имени *Hans*. Вторым аргументом немецкого историка служит то обстоятельство, что сын Ивана Фомина в Кембриджском университете записался как «Alemannus» (об учебе Ивана Ивановича в Англии см. также примечание № 57 и работу Appleby 1979, 40–42).

⁴⁹ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589, ед. хр. 8, л. 2 (авторы сердечно благодарят И. Н. Юркина, который очень быстро предоставил транскрипцию интересующего нас документа); ср. также Лисейцев 2003, 357. В архивном деле указана дата 24 февраля 1589 г.; сама челобитная была подана, вероятно, раньше, а составлена еще раньше. (В реквизитах архивного дела, на обложке, ошибочно указана дата 21 февраля – вероятнее всего, почерком первой половины XIX в. Ошибочная дата указана также в работе Милюкина (1909, 76).)

текста наиболее убедительной представляется гипотеза Лисейцева (2006, 247) о том, что Фомин родился в России или, по меньшей мере, переселился туда еще ребенком⁵⁰.

Еще одной загадкой является вопрос, когда родился Иван Фомин. Известно, что он скончался около 1654 г., но в каком возрасте, не установлено. С уверенностью можно сказать, что он начал работать в Посольском приказе не позже, чем в 1589 г. При отсутствии других документов, касающихся его возраста, мы могли бы сделать вывод, что ему было по крайней мере около 20 лет, когда он поступил на работу переводчика в Посольский приказ, – т.е. самым ранним годом рождения оказывается, таким образом, 1560 г. К нашему умозрительному заключению подходит сообщение Адама Олеария во втором издании его книги (1656 г.), согласно которому Иван Фомин умер в возрасте 97 лет⁵¹, – если Олеарий прав, то Иван Фомин родился около 1557 г. Этому, однако, противоречит информация, приведенная Д. В. Лисейцевым (2003, 357; 2006, 245), согласно которой Ивану Фомину было 15 лет, когда он начал служить царю, в 1589 г., – т.е. предположительный год рождения 1574⁵². Версия о 15-летнем возрасте, очевидно, базируется на документе, в котором говорится о том, что Фомин, «как он был в ЕИ [15] лет», получал денежное жалование в 15 рублей и поместное в 250 четей⁵³. Однако эти сведения зачеркнуты! Трудно судить о причине, но нужно, по нашему мнению, по крайней мере учесть возможность того, что эта информация была зачеркнута из-за фактической недостоверности. Конечно, трудно поверить, чтобы Посольский приказ в 1589 г. взял на постоянную ставку и награждал поместным жалованьем 15-летнего мальчика, тем более принимая во внимание то обстоятельство, что – согласно другому документу⁵⁴ – Иван Фомин работал толмачом доктора Романа (т.е. Роберта Якоба), – видимо, до поступления в Посольский приказ.

В свете названных трудностей при толковании имеющихся архивных документов и сведений современника (Олеария) вопрос о том, в каком возрасте Иван Фомин начал работать в Посольском приказе, следует считать открытым, в то время как год смерти (1654) вряд ли подлежит сомнению. В зависимости от года рождения – около 1557 или около 1574 – Иван Фомин умер в возрасте либо 96, либо 80 лет. В любом случае Иван Фомин Алманзенов служил Российскому государству как минимум в течение 65 лет, с

⁵⁰ В книге Maier (2006, 179–180) выдвигалось предположение о том, что переводчик «извета» Карла I – носитель белорусского языка. Аргументы были чисто лингвистические: использование конструкции *рассудить о что-л.*, т.е. предлог *о* с винительным падежом («разсудите о тѣ статеинные писмы», л. 35). Согласно исследованию М. Мозера (Moser 1998, 300–303), такие конструкции наблюдаются в первую очередь в переводах с польского языка и у авторов белорусского происхождения (например, у Симеона Полоцкого). Кроме того, к предположению о переводчике с белорусскими корнями нас привело множественное число существительного среднего рода на *-ы, писмы*. Однако исторические документы не подтверждают нашу гипотезу, так что теперь мы скорее склонны увидеть в неожиданной синтаксической конструкции и морфологической форме влияние переписчика, т.е. теперь мы подозреваем, что родом из Белоруссии был *п е р е п и с ч и к*, а не сам переводчик.

⁵¹ «Der alte Deutsche Dolmetsch Hanß Helms (welcher vorm Jahre seines Alters im 97. gestorben) ...», т.е. в нашем переводе «Старый немецкий толмач Ганс Гельмс (который год назад умер на 97-м году жизни) ...» (цит. по 2-му изданию книги Олеария; см. Olearius 1656, 221).

⁵² В издании книги Олеария 1647 г. автор, говоря об аудиенции, имевшей место в 1634 г., пишет, что переводчику Гансу Гельмсу 60 лет (Olearius 1647, 28), т.е. предположительный год рождения – тоже 1574.

⁵³ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1620, ед. хр. 16, л. 2 (авторы сердечно благодарят И. Н. Юркина за транскрипцию документа).

⁵⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589, ед. хр. 8, л. 2.

1589 по 1654 гг., – так долго ни до, ни после него не работал в Посольском приказе ни один переводчик.

Какими еще иностранными языками, помимо английского, владел Иван Фомин? Известно, что он знал также немецкий. Так, в уже упомянутой челобитной 1589 г.⁵⁵ Фомин пишет: «яз [...] русской грамоте и агленской грамоте и другую немецкую (*sic!*) грамоте (*sic!*) умею». Тут еще можно сомневаться, в каком смысле использовано слово *немецкий*, – либо в современном, т.е. ‘я знаю русский, английский и немецкий языки’, либо ‘я знаю ... английский и еще один германский язык’, либо даже ‘я знаю ... английский и еще один иностранный язык’. Но в другом архивном документе (тоже не раз упомянутом) 1620 г.⁵⁶ говорится о том, что «Перевотчик немецкого большого и аглинского и шкоцкого языку Иван Фомин» получает годовой оклад в размере 60 рублей и поместный в 650 четей. «Большой немецкий язык» – это несомненно уже конкретный язык, а именно, как нам кажется, немецкий (вероятно, в отличие от нидерландского языка, который тоже мог быть назван «немецким»). В процитированном документе фигурирует еще один язык – «шкоцкий». Трудно сказать с уверенностью, какой язык имелся в виду, но нам представляется, что можно исключить группу кельтских языков; скорее всего, Фомин понимал один из английских диалектов, на которых говорили в Шотландии. Этот диалект молодой Иван мог услышать в общении с шотландцами в Москве.

Интересен также вопрос, как Иван Фомин мог выучить немецкий язык, если справедливо предположение о его рождении в России или приезде туда ребенком. Представляется, что для ребенка, выросшего в Москве в XVI веке в семье иноземцев, были все возможности хорошо выучить не только английский и русский, но и немецкий (если ребенок активно общался с детьми других иммигрантов), так как немецкий был главным иностранным языком.

Итак, вне всякого сомнения Иван Фомин более или менее хорошо владел английским и немецким языками; кроме того, он понимал какой-то шотландский диалект. Но как обстоят дела с утверждением (например, в работе Лисейцева 2006, 245), что Фомин знал также шведский язык? К этому утверждению мы относимся крайне скептически. По-видимому, российские исследователи приходят к этому выводу на основе того, что Фомин «в августе 1609 г. [...] был приставлен к приехавшим в Москву [...] шведским ротмистрам из наемного отряда Я. Делагарди», а также переводил «шведские грамоты» (там же, 248–249). Мы, однако, предполагаем, что с наемниками Делагарди прекрасно можно было говорить по-немецки (скорее всего, с некоторыми из них было бы крайне трудно говорить по-шведски!) и что «шведские грамоты» тоже вполне могли быть написаны по-немецки. Зато нас занимает другой вопрос: на каком языке говорили голландские послы Альберт Бурх и Йоган Велтдрил (Albert Burgh, Johan Veltdriel), при аудиенции которых служил толмачом Иван Фомин в 1631 г. (Scheltema 1817, 134–135)? Умел ли он переводить также с нидерландского языка? Мы этого не исключаем. Тогда поразительный факт, что переводчик рассматриваемого нами текста понял английское слово *fate* ‘судьба’ «по-нидерландски» (*faute, foute*, ныне *fout*, ‘ошибка’, из франц. *faute*; ср. пример № 19), переводя его на русский как *недоразумения*, получил бы логическое объяснение (о каких-либо знаниях французского языка в документах о Фомине нет даже намека). Как он мог выучить также и этот язык? Если Фомин родился в России (или приехал туда ребенком), можно предполагать, что маленький Иван усвоил еще один язык,

⁵⁵ Там же, л. 1.

⁵⁶ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1620, ед. хр. 16, л. 2.

так сказать, на улице – не только немецкий и «шотландский», но и нидерландский. А если он все-таки был выходцем из Ливонии, как предполагает Н. Ангерман (что нам кажется менее вероятным), он мог быть носителем – помимо верхненемецкого – также и нижненемецкого языка, близкородственного нидерландскому (впрочем, не исключено, что на переговорах с голландскими послами голландцы говорили на нидерландском, а толмач – на немецком).

Поскольку в 1648 г. в Посольском приказе не было другого переводчика, который мог бы перевести «извет» короля Карла I с английского языка, можно заключить, что наш памфлет переводил Иван Фомин за шесть или семь лет до смерти, т.е. будучи уже в весьма солидном возрасте (ему было тогда как минимум 74 года, а возможно, и около 90). Преклонный возраст позволяет объяснить, почему переводчик в некоторых случаях смешивал схожие по написанию английские слова, – вероятно, зрение у него уже было слабым. Частые случаи непонимания английских терминов, абстрактных существительных, устойчивых словосочетаний и сложных синтаксических конструкций легко объяснить, если мы допустим, что переводчик вырос в Москве и в совершенстве овладел только русским языком, языком страны, где он жил, а не языком родителей (или дедушки, так как о родителях нам ничего не известно; нельзя, наверное, исключить, что мать у него была русской, – как, заметим попутно, и жена): ведь ребенку неизвестны специальные термины и непонятен сложнейший синтаксис. Кроме того, «ребенок» за долгую жизнь в России мог кое-что забыть из терминологии и фразеологии родного языка. Если, наоборот, прав Н. Ангерман и Фомин был не природным англичанином, а ливонцем, указанные выше недоразумения в переводе «извета» Карла I тоже легко объяснить. В таком случае следует полагать, что переводчик выучил английский язык в общении с «московскими» англичанами, уже в Москве.

Впрочем, у Ивана Фомина были даже личные причины хорошо относиться к английскому королю. Когда его сыну (по имени Иван) шел четвертый год, в июле 1617 г., жена переводчика, Марья, подала царю Михаилу Федоровичу челобитную, прося разрешения отправить сына в Англию «со князем Иваном Ульяновым» (т.е. Джоном Мериком) для того, чтобы он там выучил английский язык и позднее служил Московскому государству⁵⁷. Государь велел отпустить мальчика в Англию, а через 20 с лишним лет, в 1638 г., он стал доктором медицины в Кембридже. За первые годы обучения сына за границей Иван Фомин платил сам, а в феврале 1628 г. царь Михаил Федорович отправил письмо Карлу I с просьбой, чтобы Англия взяла на себя дальнейшие расходы на учебу Ивана младшего. Королевский двор ответил положительно, и молодому Джону Гелмесу выплачивалась стипендия⁵⁸. Хотя сын переводчика несомненно собирался вернуться в Россию, о его фактическом возвращении на родину и тем более о службе врачом в России ничего не известно (Dumschat 2006, 631)⁵⁹.

⁵⁷ «Послан де муж ее на государеву службу к цесарю третей год» (цит. по работе Лисейцев 2003, 160). Можно сделать вывод, что Иван Фомин к этому моменту еще не вернулся в Москву после дипломатической поездки в Империю, куда он был отправлен в августе 1614 г. (он прибыл в Вену лишь в марте 1615 г.). Император Матвей задержал его в Праге, и переводчик вернулся лишь в 1617 г. (Leitsch 1960, 197–243).

⁵⁸ Переписка между царем Михаилом и английским королем опубликована в работе Konovalov (1958).

⁵⁹ Ср. также Appleby (1979, 42): «What became of Dr John Helmes remains a mystery».

Литература

Источники, словари и библиографии

- В-К I: *Вести-Куранты 1600–1639 гг.*, Москва, 1972.
В-К II: *Вести-Куранты 1642–1644 гг.*, Москва, 1976.
В-К III: *Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг.*, Москва, 1980.
В-К IV: *Вести-Куранты 1648–1650 гг.*, Москва, 1983.
В-К V: *Вести-Куранты 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.*, Москва, 1996.
В-К VI: *Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг. Часть 1: Русские тексты*, Москва (в печати). *Часть 2: Иностранные оригиналы к русским текстам. Исследование и подготовка текстов Ингрид Майер*, Москва, 2008.
Сл. XI–XVII вв.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–28–, Москва, 1975–2008–.
Срезневский: Срезневский, И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 1–3, Санкт-Петербург, 1893–1903.
Knuttel: *Catalogus van de pamfletten-verzameling berustende in de Koninklijke Bibliotheek, bewerkt ... door Dr. W. P. C. Knuttel*. 1-e deel, 2-e stuk, 's Gravenhage, 1889.
Vasmer: Max Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Band 1–3, Heidelberg, 1953–1958.
Wing: *Short-Title Catalogue of Books Printed in England, Scotland, Ireland, Wales, and British America and of English Books Printed in Other Countries 1641–1700 Comp. by Donald Wing*. 2nd ed., vol. 1, New York, 1994.

Использованная литература

- Белоброва, О. А.: 1992, 'Алманзенов Иван Фомин', *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1, А–З*, СПб., 72–74.
Беляков, А. В.: 2001, *Служащие Посольского приказа второй трети XVII в. Дис. ... кандидата исторических наук*, Москва.
Богатырев, С. Н.: 1995, '«Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI в.', *Исторический архив* 1995:3, 183–201.
Волков, Л. В.: 1978, 'О переводчиках научной литературы', *Естественнонаучные представления древней Руси. Сборник статей*, Москва, 148–155.
Гурлянд, И. Я.: 1903, *Иван Гебдон – комиссариус и резидент (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века)*, Ярославль.
Козлов, О. Ф.: 1982, 'Приказ тайных государевых дел', *Вопросы истории*, вып. 6, 1982:8, 106–112.
Лисейцев, Д. В.: 2003, *Посольский приказ в эпоху Смуты*, Т. 1–2, Москва.
Лисейцев, Д. В.: 2006, 'Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века', *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.*, Москва, 241–252.
Милюкин, А. С.: 1909, *Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVII и XVIII веков*, СПб.
Райнов, Т. И.: 1940, *Наука в России XI–XVII вв. Очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу*, Москва – Ленинград.
Соболевский, А. И.: 1903, *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков*, СПб.
Angermann, N.: 1998, 'Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Russland', Hübner, E., E. Klug & J. Kusb (Hrsg.), *Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und Früher Neuzeit. Festschrift für Peter*

- Nitsche zum 65. Geburtstag, Stuttgart, 221–249 (=Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa, Bd. 51).
- Appleby J. H.: 1979, 'Dr Arthur Dee: Merchant and Litigant', *The Slavonic and East European Review*, vol. 57, № 1, 32–55.
- Carlton, Ch.: 1995, *Charles I. The Personal Monarch*, London – New York.
- Constitutional Documents: 1962 [1889], *Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625–1660. Selected and edited by S. R. Gardiner*. 3rd ed., revised, Oxford.
- Dumschat, S.: 2006, *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart (=Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 67).
- Eikon Basilike: 1966, *Eikon Basilike. The Portraiture of His Sacred Majesty in His Solitudes and Sufferings*. Edited by Ph. A. Knachel, Ithaca (N.Y.).
- Fortescue, G. K.: 1908, 'Preface', *Catalogue of the Pamphlets, Books, Newspapers, and Manuscripts Relating to the Civil War, the Commonwealth, and Restoration, Collected by George Thomason, 1640–1661*, vol. 1, London, iii–xxv.
- Gardiner, S. D.: 1963, 'Translation technique in 17th-century Russia', *The Slavonic and East European Review*, vol. 25, 111–135.
- Keblusek, M.: 1997, *Boeken in de hofstad. Haagse boekcultuur in de Gouden Eeuw*, Hilversum (=Hollandse Studiën 33).
- Konovalov, S.: 1958, 'Twenty Russian Royal Letters (1624–34)', *Oxford Slavonic Papers*, vol. 8, Nos. 8–9.
- Leitsch, W.: 1960, *Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. 1. Teil, 1604–1654*. Graz – Köln (=Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, Bd. IV).
- Maier, I.: 1997, *Verbalrektien in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax*, Uppsala (=Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 38).
- Maier, I.: 1999, 'Pressmeddelanden till ryske tsaren under trettioåriga krigets tid', *Kultur och samhälle i språkets regi*, Uppsala, 83–94.
- Maier, I.: 2003, 'Lateinische Quellen für russische Zeitungsübersetzungen?', Kempgen, S., U. Schweier & T. Berger (Hrsg.) *Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*, München, 227–243 (=Die Welt der Slaven, Sammelband 19).
- Maier, I.: 2004, 'Zur Frühgeschichte der Haager Zeitungen', *Quaerendo*, vol. 34, iss. 1–2, 87–133.
- Maier, I.: 2006, *Verbalrektien in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion*, Uppsala (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 45).
- Maier, I. & Pilger, W.: 2001, 'Second-Hand Translation for Tsar Aleksej Mixailovič – a Glimpse into the "Newspaper Workshop" at Posol'skij prikaz (1648)', *Russian Linguistics* 25:2, 209–242.
- Moser, M.: 1998, *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*, Frankfurt am Main (=Schriften über Sprachen und Texte, Bd. 3).
- Olearius, A.: 1647, *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise/ So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen [...]*, Schließwig: Jacob zur Glocken.
- Olearius, A.: 1656, *Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscowitischen vnd Persischen Reyse [...]* Welche Zum andern mahl heraus gibt Adam Olearius Ascanius [...], Schließwig: Johan Holwein.
- Phipps G. M.: 1983, *Sir John Merrick: English Merchant-Diplomat in Seventeenth-Century Russia*, Newtonville.
- Raymond, J.: 2003, *Pamphlets and Pamphleteering in Early Modern Britain*, Cambridge (GB).

- Scheltema, J., 1817: *Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen*. Eerste deel, Amsterdam.
- Williams, W.: 1973: 'The first edition of *Holy Living*: An episode in the seventeenth-century book trade', *The Library*, 5th series, vol. XXVIII, No. 2, 99–107.